

Оригинальная статья / Original article

УДК 398.22 (512.157)

DOI: <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-1-141-150>

«Хосунный эпос» народов Севера: ретроспективный анализ

© В.В. Ушницкий

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук, Якутск, Россия

Аннотация: В статье обсуждается «хосунный эпос», распространенный среди народов Севера. На якутском Севере он был распространен среди оленекских и анабарских саха. Герои «хосунного эпоса» северных саха Чэмпэрэ, Юнкээбил и Юрэн Хосуун – считаются предводителями эвенкийских родов. Поэтому можно утверждать, что «хосунный эпос» является в своей основе эвенкийским, принятым северными саха в ходе ассимиляции тунгусоязычных групп. С.И. Гурвич выделил существование тундрового и таежного вариантов «хосунного эпоса». Но герои эпоса часто носят якутские имена и говорят на якутском языке. «Хосунный эпос» также имел распространение в районах Центральной Якутии. Генезис «хосунного эпоса» связывается с родами монгольского происхождения, в древности обитавшими на Севере. Об этом свидетельствуют многочисленные бурятско-якутские параллели в фольклорных мотивах и сама этимология слова хосуун. Хосууны – это прошедшие «воинское обучение» сильные и крепкие мужчины, защитники рода от враждебных родов. Споры из-за охотничьих и оленеводческих территорий часто решаются в единоборстве между хосуунами. Хосууны, прежде всего, славились как меткие стрелки из лука. Обряды хосуунов можно сопоставить с палеоазиатскими, что свидетельствует о древности формирования образа воина-хосууна на Крайнем Севере.

Ключевые слова: народы Крайнего Севера, фольклор, хосууны, эпос северных саха, слова монгольского происхождения, оленекские и анабарские саха, якутские оленеводы, саха-эвенкийские этнокультурные контакты, военное дело, эвенкийские богатыри

Информация о статье: Дата поступления 14 января 2020 г.; дата принятия к печати 10 февраля 2020 г.; дата онлайн-размещения 31 марта 2020 г.

Для цитирования: Ушницкий В.В. «Хосунный эпос» народов Севера: ретроспективный анализ // Известия Лаборатории древних технологий. 2020. Т. 16. № 1. С. 141–150. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-1-141-150>

“Hosunny epic” of northern Sakha: retrospective analysis

© Vasilii V. Ushnitsky

Institute for Humanitarian Studies and Problems of Small Peoples of the North of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Yakutsk, Russia

Abstract: The article discusses the “khosunny epos” that is widespread among the peoples of the North. In the Yakut North, it was distributed among Olenek and Anabar Sakha. The heroes of the “Hosun epic” of the northern Sakha Champere, Yunkeeбил and Yuren Hosuun - are considered leaders of the Evenk clans. Therefore, the statement that the “khosun epic” is basically Evenki adopted by the northern Sakha during the assimilation of Tungus-speaking groups is highlighted. S.I. Gurvich singled out the existence of the tundra and taiga variants of the "Khosun epic." But the heroes of the epic often bear Yakut names and speak the Yakut language. “Hosunny epic” also had distribution in areas of Central Yakutia. The genesis of the "Khosunny epic" is associated with the genera of Mongolian origin, who in ancient times lived in the North. This is evidenced by the numerous Buryat-Yakut parallels in folklore motifs and the etymology of the word Hosuun itself. Hosuuns are strong and strong men who have undergone “military training,” defenders of the clan from hostile clans. Disputes over hunting and reindeer herding areas are often resolved in martial arts between the Hosuuns. The Hosuuns were primarily famous as well-aimed archery. Hosuun

rites can be compared with the Paleo-Asian, which indicates the antiquity of the formation of the image of the Hosuun warrior in the Far North.

Keywords: Peoples of the Far North, folklore, Hosuns, epos of northern Sakha, words of Mongolian origin, Olenek and Anabar Sakha, Yakut reindeer herders, Sakha-Evenki ethnocultural contacts, military affairs, Evenki warriors

Article info: Received January 14, 2020; accepted for publication February 10, 2020; available online March 31, 2020.

For citation: Ushnitsky V.V. (2020) "Hosunny epic" of northern Sakha: retrospective analysis. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii* = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies. Vol. 16. No. 1. P. 141–150. (In Russ.). <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-1-141-150>

«Хосунный эпос» изучали И.С. Гурвич (Гурвич, 1977), Г.В. Ксенофонтов (Ксенофонтов, 1977; Ксенофонтов, 1992), И.И. Барашков (Барашков, Окладников, 1949), А.П. Окладников (Барашков, Окладников, 1949; Окладников, 1955), А.А. Саввин, С.И. Боло, В.М. Никифоров (Никифоров, 2002; Никифоров, 2010), Р.И. Бравина и Д.М. Петров (Бравина, Петров, 2018). «Хосунный эпос» имеет распространение и в эвенкийском фольклоре. Записи «хосунного эпоса» среди эвенков проводили В.Н. Васильев (Васильев В.Н., 1936), Г.М. Василевич (Исторический фольклор эвенков, 1966) и Г.В. Ксенофонтов среди илимпийских эвенков. Статью о «хосунном эпосе» илимпийских эвенков опубликовала Н.А. Мамонтова (Мамонтова, 2015). Взаимосвязь сюжетов эвенкийского и якутского фольклора была изучена А.Н. Варламовым (Варламов, 2009). Хосунный эпос вилюйских саха изучал П.Е. Ефремов (Ефремов, 1993). Слово хосуун в этимологическом плане разбирал перспективный студент Н. Николаев, который ныне проходит стажировку в Китае.

В севере Красноярского края сказания о хосуунах бытовали у ессейских саха, долган и эвенков (Попов, 1954; Исторический фольклор эвенков, 1966. С. 306–315). Среди нганасан существовали легенды, близкие по сюжету к сказаниям о хосуунах (Легенды и сказки нганасанов, 1938).

«Хосунный эпос» северных саха-олленеводов был назван Г.В. Ксенофонтовым «Оленекской хосунной эпопеей», имея в виду сюжет борьбы двух героев – Юнгкээбилэ и Чэмпэрэ. В этом автор видел зачаточное развитие сюжета о борьбе двух богатырей-героев подобно основной канве «Илиады», повествующей о противостоянии греческих

героев – Гектора и Ахилла (Ксенофонтов, 1992. С. 212).

С.И. Боло, анализируя хосунные предания народов Крайнего Севера, отмечает: «Старшие хосууны.. (описываются) одетыми в броню, не то из железа, не то из другого материала... Видимо, в те времена были бесконечные войны, захваты и нападения. Хосууны носили имена, весьма схожие с якутскими» (Рукописный фонд ИГиИПМНС¹ СО РАН. Ф. 5. Оп. 13. Ед. хр. 1. Л. 81–82; Никифоров, 2002. С. 150).

Достижение совершеннолетия и обретение воинских атрибутов были одним из сюжетов «хосунного эпоса». Встречается также сюжет борьбы с медведем. Местом жительства врагов эвенкийского эпоса – является тундра (Мамонтова, 2015. С. 27).

Победитель обычно забирал женщин и детей, охотничьи угодья или оленные пастбища, в сказаниях он предстает перед нами как удалой хосуун, пример для подражания: «Богатыри-хосууны (северные якуты воинов-богатырей называли словом «хоһуун») отправлялись искать новое место. На новом месте они сражались с хосуунами чужих родов. Когда побеждали, то переселяли свой род на новое место. Сражались только хосууны, род не участвовал. Люди побежденного рода входили в род победителей»².

В сказаниях всегда подчеркивается быстрота и стремительность хосуунов, точность стрельбы: «Легкость, быстрота ног и сила – вот первый и

¹ Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера.

² Информация от М. Колесова, Эвено-Бытантайский район Республики Саха (Якутия). Октябрь 2015 г.

главный признак хосууна. Лук их был равен в длину маховой сажени, их прыжки – трем маховым сажени. Прыгая на девяти точках одной ногой, они делали такие прыжки, что расстояние между двумя ближайшими точками равнялось трем маховым сажени, а между крайними – шести.

Быстрота бега была такова: скрутят веревку в три маховых сажени длиной и бегут с такой быстротой, что даже эта трехсаженная веревка оставалась висеть непрерывно, не прикасаясь совершенно к земле.

Стрела древнего «хосууна» летела с такой стремительностью, что перерезала передние лапы такого крепкого и сильного зверя, как медведь. А ведь эту стрелу направляла человеческая рука. Какую же огромную силу надо было иметь, тем более что острие стрелы было не железным, а костяным, из кости оленя или лося? Неудивительно, что так говорилось о «хосуунах» древности: «Самый быстроногий из зверей – волк, из птичьего мира – сокол, из человеческого – “хосуун”. Вот три властелина трех миров – птичьего, звериного, человеческого» (Барашков, Окладников, 1949. С. 88–89).

«По рассказам, древние витязи-хосууны носили косы. Если они допускали срезать свою косу, то с них снималось звание хосууна» (Ксенофонов, 1992. С. 253). Это напоминает традиции сяньбийских племен. Как табгачей, так и аваров называли косоплетами, так как они носили длинные косы до колен. «Древние “хосууны” носили косу. Волосы их на затылке стояли сначала торчком – дыбом, потом коса загибалась и висела вниз по спине. Кроме того, самые лучшие мастерицы-женщины, умелые вышивальщицы – вышивали “хосуунам” узоры на лице и притом так, чтобы все лежало ровно, симметрично.

Жившие по течению Лены в сторону р. Оленек имели косу и татуировку, охотились коллективно. Проживающие на правом берегу р. Лены тоже занимались коллективной охотой и имели татуировки, но кос у них не было. По этому признаку можно было безошибочно определять отношение к тому или иному племени.

«Самые лучшие «хосууны» того и другого берега носили латы (“куйахи”) из железных пластин,

лежавшие словно рыба чешуя» (Барашков, Окладников, 1949. С. 81).

По словам информатора из илимпейских эвенков, слово «хосуун» не существует, так говорят только якуты и обьякученные тунгусы. Вместо «хосуун» употребляется «суонинг» (кэйсиилээхкиси) – человек, который занимается убийством людей и войной (Ксенофонов, 1992. С. 239).

Бурятский исследователь Д.В. Цыбикдоржиев связывает генезис древнемонгольских воинских культов с вилюйским «хосунным» эпосом, восходящим к ассимилированным якутами ранее монголоязычными родами хори-туматов. К унаследованному саха монгольским ритуальным традициям загадочной энергии сулдэ он относит мотив поедания костного мозга и ломания голенной кости (Цыбикдоржиев, 2003. С. 139). Вилюйские фольклорные образы и сюжеты были унаследованы от загадочных туматов.

По мнению Г.В. Ксенофонтова, генезис «хосунного» эпоса северных саха связан с родами монгольского происхождения (тумат, югюлээт) (Ксенофонов, 1992). При анализе «хосунного эпоса», исследователи пришли к выводу, что ранее, на Севере, кочевали воинственные монголоязычные рода (Никифоров, 2002).

В рассказах о сражениях в тундре иногда встречается термин «хорсуун» или «корсун». В сноске можно прочесть: «Подразумеваются воины-хранители, жившие на границе с враждебными племенами» (Барашков, Окладников, 1949. С. 108). В.М. Никифоров подчеркивает сторожевые функции хосуунов: «По Хараулаху много мест, где воевали в заранее сооруженных укреплениях; тяжелые камни там, как копны собраны, кругом стоят. Один человек, там стоя, мог со многими воевать». Исследователь отмечает, что использование подобных фортификаций не характерно для чисто северных племен (Никифоров, 2002. С. 101).

И.С. Гурвич в отношении хосунного эпоса категоричен: «Несомненно... то, что хосунные сказания первоначально оформились в тунгусской среде» (Гурвич, 1977. С. 169). О происхождении термина «хосуун» ему принадлежит следующее высказывание: «Сам термин “хосун” происходит от эвенкий-

ского слова “сонинг”, “сэнэ” – силач, богатырь» (Гурвич, 1977. С. 152). В.М. Никифоров утверждает, что слово “сэнэ” есть в якутском языке и имеет многочисленные монгольские параллели: “сила, мощь, крепость”» (Никифоров, 2002. С. 102).

“Кошун”, в современном монгольском “хошуун”, в калмыцком также “хошуун”. Множественное число – “хошууд”. Изначально означает “клюв”, а также “военно-административную единицу”, по-китайски передаваемую как “ци” (кит. “знамя”), по-маньчжурски “гуса” (маньчж. “знаменный корпус”). 3 основных подразделения каждого знаменного корпуса (из маньчжур, монголов и китайцев) назывались по-монгольски “хошуун”.

Б.О. Долгих утверждал, что «...оленекский хосунный эпос сложился в среде охотников за дикими оленями, живших на указанной выше территории (включая и Восточный Таймыр) еще до появления здесь (имеются в виду бассейны Оленека, Анабара, Хатанги и низовий Лены. – В.М.) якутов» (цит. по: Никифоров, 2002. С. 102; Мифологические сказки и исторические предания нганасан, 1976. С. 328).

Почти все исследователи хосунного эпоса выясняли этническую принадлежность слуги хосунов. С.И. Боло констатирует этот факт: «Легендарный герой... всегда имеет работника “нуучу”, который ходит за дровами. Этот нуучча является пленником и при встрече с неприятелем... всегда изменяет своему хозяину...»³. Г.В. Ксенофонтов считал, что это отголоски взаимоотношений предков северных якутов с ниучи, нюйчжами, а события эти относятся к концу 1-го – началу 2-го тыс. н. э. (Никифоров, 2002. С. 102). Б.О. Долгих утверждал, что: «По эвенски якут – “нека”. Я сам это слово записал у томпонского эвенка – “нюхо”. Таким образом, и лекарь Нюхой у нганасан, и работник Нючча Оленекского эпоса первоначально, видимо, были якутами» (Мифологические сказки и исторические предания нганасан, 1976. С. 332).

³ Боло С.И. Отчет поездки по сбору фольклора Вилюйских районов сотрудника Боло Сэсэн Ивановича. 9 сентября 1938 г. // Рукописный фонд Архива ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 3.

В хосунном эпосе жителей Вилюя и Оленека, записанном у якутов, имеет место мотив отрезания косы и отрубания ноги поверженного врага, причем победившие братья-хосуны разрубают голennую кость и поедают костный мозг вождя. Иногда встречается мотив вырезания сердца побежденного, тогда старший брат мажет брызжущей из сердца кровью лицо младшего, и мотив отрубания головы, дальнейшего развития не получающий. В хосунном эпосе павший воин, позволяя младшему хосуну убить себя, говорит: «передаю свое имя (и первенство)» (Ксенофонтов, 1992. С. 230, 237, 248).

Факт передачи «имени и первенства» в хосунном эпосе позволяет провести параллель с монгольским обычаем наречения сыновей именем убитого врага. Несомненно, речь идет об одном и том же явлении у степняков сохранявшимся в пережиточной форме. Мотив передачи нагрудника далыс у эвенков сопоставим с монгольским обычаем *cisututonuyabuqi* «захватывать окровавленное снаряжение (врага)» (Цыбикдоржиев, 2003. С. 138).

Таежная версия, связанная с именем Юрэна, по форме близка к тундровой, но в ней есть свои особенности. Юрэн был из неизвестного племени. Юрэн воюет с маятами (якут. майаат). Это было чужеземное племя, из-за голода откочевавшее на Оленёк из Таймыра.

В вилюйском хосунном эпосе павший вождь передает младшему воину свое “сулдэ”, а тот получает его, ломая голennую кость и поедая костный мозг! Хосунный эпос устойчиво сохраняет мотив ранения в ногу убегающего к воде вождя в момент его прыжка через реку. Семантика бурятского состязания по ломанию звериных костей, мотив поедания поверженного противника, зооморфный облик соперника в ритуальном бою-инициации убеждает в том, что хосунный эпос находился в той переломной для традиционного фольклора стадии, когда историческое предание о деяниях реальных вождей уже вторгается в область эпоса, но прежние мифологические сюжеты еще остаются формобразующими (Цыбикдоржиев, 2003. С. 140).

Этноним “тумат” тюркского происхождения. Якутские предания повествуют: «Здесь, на Вилюе раньше жил иноплеменный народ по имени ту-

мат» (Ксенофонов, 1977). «Туматы были многочисленны; какого они племени и происхождения, неизвестно. Сказывали, что они были саха; по видимому, они, поселившись в Якутии, объякутились. Поэтому по преданиям выходит, что туматы были особым племенем или народом...» (Исторические предания и рассказы якутов, 1960. С. 103).

Хоринские буряты считают себя потомками средневекового племени хори-тумат. Следовательно, и вилюйские туматы могли относиться к монгольскому субстрату на Вилюе. Сведения о лесном племени кури или фури X в. проникли в историографию изучения этногенеза бурят через сочинение Гардизи. Дикое племя кури проживало в труднодоступной болотистой местности, практиковало канныализм (Румянцев, 1962). Не обитали ли кури – предки хори-бурят тогда на территории Западной Якутии?

Д.М. Петров делает вывод о том, что в легендах нганасан обнаруживается ряд мотивов хосунного эпоса с заметным акцентом на особенности их обычаев, верований. Так, эпизод с костным мозгом поверженного врага, которым любят полакомиться оленёкские хосууны, заменен эпизодом вскрытия груди врага и удивления при виде двух сердец; смазывание оружия кровью птицы заменено омовением головы кровью медведя и т. п. (Гурвич, 1977. С. 107).

Легендарные вилюйские туматы имели суровый вид и жестокий нрав. «Народ этот занимался людоедством», – они поедали мясо убитых врагов и военнопленных. У них существовал своеобразный обычай гостеприимного канныализма: «для дорогих гостей» они откармливали дочерей (Окладников, 1955. С. 339).

К тому же, среди монгольских народов существовало Божество Азарай, входившее в число божеств-тенгеринов, олицетворявших особое божество Неба – Сулдэ. В сравнении – у саха имеется мифологический персонаж по имени Адъарай Бёгё. Сулдэ считается харизмой Чингис-хана, либо Богом войны. В якутском языке термином сюдью обозначают «аорту, дугу аорты» (Васильев Ф.Ф., 1995).

С бурят-монгольской традицией роднит роль хосуунов во время коллективной охоты: «Коллек-

тивная охота на зверей существовала в древности, во времена войн. Не менее 20–30 человек, способных носить оружие, лук со стрелой, принимало в ней участие. Если зверь находился где-нибудь на известном месте, его окружали с левой и правой стороны так, что образовывался замкнутый круг. По мере приближения к зверю круг суживался, делаясь все меньше и меньше. Таким образом, подходили они к этому зверю совершенно близко, на 15–20 шагов. Тогда один из самых лучших и метких стрелков с правого или левого фланга выходил, остальные оставались на месте. Возглавляют охоту “хосууны”. По приказанию главного “хосууна” стрелок пускает стрелу прямо в зверя» (Барашков, Окладников, 1949. С. 81). Следует предполагать, что загонная охота бурят-монголов зэгэтэ-аба зародилась в таежной области в Восточной Сибири и объединяла группы пеших охотников.

Основным оружием хосуунов был боевой лук. Хосууны, прежде всего, славились меткостью в стрельбе: «В те времена, когда слава знаменитых хосуунов “Болтонго” и “Дьяабыла” шла в гору, два других великих “хосууна” спорили между собою, кто из них лучший сын своего племени и самый меткий “мэргэн” – стрелок из лука... Тот витязь меткой стрельбой без промаха, оказывается, действительно оправдал справедливость своего обещания. Все спущенные им девять стрел он без промаха всадил в каждое из девяти ребер дикого оленя, мчавшегося, как ветер. Таковы были знаменитые “мэргэны” времен “Болтонго” и “Дьяабыл” – хосуунов» (Барашков, Окладников, 1949. С. 80).

Встречаются яркие характеристики хосуунов, как специально подготовленных воинов Северо-Востока Сибири: «Хосуун – это быстроногий и храбрый воин, защищающий свой род, свою Родину от его врагов. Он ходит с ног до головы вооруженный и, в защиту жизни и имущества членов своего рода, его славы и доброго имени он готов вступить в каждую минуту; готов вступить в смертельный бой, встречный поединок с врагами и хосуунами».

Как правило, хосуунов бывает очень немного, всегда один или два человека в одном роде, так как ими становятся избранные. Хосуунов воспитыва-

вают с малолетства в особых условиях, вдали от посторонних взоров. Для этого выбирают мальчика с крепким телосложением и мускулатурой, подающего надежду на выдающуюся физическую силу и быстроногость.

Например, так был воспитан знаменитый хосун Тасагарского наслега, Средне Вилюйского улуса Тиэргэн Баатыр, о существовании которого долгое время никто не знал. Его с малолетства содержали в особой яме, боясь как бы враги, узнав о нем, не расправились с ним, пока он физически не окреп и тем своевременно не обезопасили себя от могучего врага.

Признаками необыкновенной физической силы, ловкости и быстроногости будущих хосунов считались: 1) могучее телосложение, хорошая мускулатура и большой рост; 2) когда суставы рук и ног незаметны и не выступают наружу; 3) когда коленная чашечка держится свободно и не слишком плотно прилегает к суставу; 4) когда на икрах ног выступают яйцевидные мышцы (последний признак предусматривается для маленького ребёнка).

Будущего хосуна держат в достатке и довольствии одевают хорошо, кормят вдоволь разнообразной и питательной пищей. Для предохранения от сырости и холода суставы рук и ног обертываются кожей из волчьих лап или лап других животных. Когда юноша достигает совершеннолетия (полного расцвета физических сил), над ним производят испытание и совершают обряд посвящения в хосуны. Для этого приглашают знаменитого шамана и удаганку, привязывают к коновязи пегую, с особыми отметками лошадь. Протягивают между коновязью и юртой (поперёк пути к коновязи) толстые веревки, витые из конского волоса и готовят хорошую кольчугу – куях и оружие. Шаман и удаганка в юрте совершают над юношей обряд вселения в него духа войны и кровожадности.

Как только вселяется в него дух войны и кровожадности, юноша как бешенный мигом выскакивает из юрты совершенно нагой и мчится к коновязи. С разбегу разрывает параллельно протянутые на пути все три толстые волосяные веревки. Подбежав к коновязи, юноша кидается к привязанному священному животному. Заколов лошадь пальмою,

он тут же вытаскивает ее бьющееся сердце, жадно сосет и пьёт тёплую кровь.

Пьёт «спекшуюся кровь», валяется и обмазывается кровью этого животного. После этого на него надевают куйах, дают боевое оружие и юноша становится хосуном. Если он при испытании не разрывает на бегу все три огдон, не возводится в звание хосуна.

Хосуном может стать сын богатых и бедных родителей, так как принимаются в расчёт только полезные качества. В молодости он бывает неженат, лишь в пожилом возрасте может стать семьянином. На старости лет хосуны иногда становятся, если он раньше был сыном бедных родителей, самостоятельным человеком.

Хосуна сородичи всячески оберегают и он живет в «хаппахчы» (чулан в юрте или нора в крае, закрытая спереди берестю) неразлучно со своим оружием. В случае необходимости, он и один может бесстрашно броситься вдогонку за убежавшими врагами. Когда угрожает опасность, он не берет руками жирных продуктов, в таком случае окружающие лица кладут в тыловую сторону кистей его рук жирные продукты, окатанные в шарики, которые он ест не прикасаясь пальцами. Это делается для того, чтобы руки и пальцы его не скользили во время пускания им стрел (Рукописный фонд Архива ЯНЦ⁴ СО РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 26).

Интересно, что и в Центральной Якутии воинов обозначали термином хосуны, помимо слова боотур: «Побеждённый хосуны. В старину богатыря – воина якуты называли хосунчахами. В те времена хосунчахи, разделённые на отдельные улусы и роды, вступали между собой в смертельные схватки из-за обладания богатством, людьми, усадьбой противника и завоевания доброго имени. Орудиями борьбы у них служили лук (стрелы) пальма и меч. Победивший возвращался с трофеями» (Рукописный фонд Архива ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 26. Записано А.А. Саввиным от Е. Павлова).

Хосунов, считали предводителями якутов в военных действиях против тунгусов и русских завоевателей: «Хосуны предводители. Якуты до

⁴ Якутский научный Центр.

прихода русских все время воевали с тунгусами. В то время в этой местности жили два воина, славившиеся своей необычайной силой и быстроногостью. Один из них по имени Ымындай жил в местности Арангса, это на севере отсюда, другой – Соохоро жил на юге в местности Балаганнаах. Ымындай был чрезвычайно быстроногим. Он подобно белке или птичке перепрыгивал с необычайной легкостью с дерева на дерево и тем удачно смывал свои следы ускользая от преследовавших врагов. Хосууны в борьбе с завоевателями. Таттинский хосуун Эргийэр Бэргэн с немногочисленным войском на трёх плотках спустился вниз по Лене. Русские пустились по ним вдогонку. Беглецов настигают в местности Харанагахайбыт. Окружив их разбивают» (Рукописный фонд Архива ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 26. Записано С.И. Боло от И.И. Степанова).

Согласно И.С. Гурвичу, хосунные сказания распадаются на две версии. В тундровой версии, распространенной преимущественно в низовьях Оленёка, Лены, Анабара и Яны, главным героем является Юнкээбил, что, по мнению автора, означает по-якутски «юкагир» (Гурвич, 1977. С. 89).

Г.И. Варламова считает, что так называемый «хосунный» цикл северных якутов является в своей основе истинно эвенкийским. Якуты переняли его от эвенков и ввели в состав своего фольклора. По ее мнению, северные якуты являлись объякученными эвенками. Поэтому она утверждает, что цикл преданий, определенный Г.Н. Ксенофоновым как «хосунный эпос» якутов, на самом деле является циклом эвенкийских преданий о Угкобуле и Урэне (Варламова, Габышева, 2008. С. 166).

Особенно распространены легенды о хосууне Юнкээбил: «“Юнкээбил” наш герой был. Во времена “кэйсии” со стороны озера Эссея приходили чужие “хосууны” со своими воинами и сражались с нашими предками. В большинстве случаев наши предки терпели поражения. Враги истребляли целые роды, угоняли их табуны оленей и все богатство увозили с собой. Бывали даже и такие случаи, что уводили с собой целые роды. Превращали пленников в рабов.

Время было опасное. “Хосуунов” во время отдыха их стражники охраняли, бодрствовали. Толь-

ко Юнкээбил не чувствовал нужды в охране. Ночью, когда спал “Юнкээбил”, у него не было охраны. Враги-лазутчики сначала подкрались тайком. На улице у самой двери висел колчан, в котором хранились все его боевые стрелы. Враги кончиком “батыя” подрезали дно колчана и тайком же ушли. Отсутствие охраны, которая должна была следить за всем, погубила нашего знаменитого хосууна “Юнкээбил”.

Проснувшись и увидев окружавших его врагов, он выскочил, схватился за колчан и побежал, имея обыкновение сражаться не дома, а за пределами его. Во время его богатырского бега все боевые стрелы высыпались. Не заметив этого, он занял боевое место, но ни одной стрелы в колчане не осталось. Это и послужило причиной его гибели» (Барашков, Окладников, 1949. С. 93).

Таежная версия, связанная с именем Юрэна, по форме близка к тундровой, но в ней есть свои особенности. Юрэн был из неизвестного племени. Юрэн воюет с маятами (якут. майаат). Это было чужеземное племя, из-за голода откочевавшее на Оленёк из Таймыра (Бравина, Петров, 2018. С. 27).

Для хосуунов существовал отдельный погребальный обряд: «Когда “хосуун” умрет, то трое суток лежит он дома в своем шатре, в окружении своих сородичей и всех почетных людей своего рода. На третий день его выносят из дому и кладут на “аранас”, поставленный на четырех столбах. Так как в то время не было русских тканей, то при похоронах одевали “хосуунов” исключительно в кожаные одежды, преимущественно в оленьи и лосиные шкуры. На месте похорон у “аранасах” тут же убивают его “хосунского” оленя – “буура”, самого лучшего оленя из всего родового стада.

Вместе с покойником кладут на “аранас” “кэсэх” – ‘колчан’, у него дно деревянное, стенки кожаные, сверху открыт, стрелы торчат остриями вверх. Носят его привязанным накрест за спиной. Сначала на колчанах узоры вышивали подшейным оленьим волосом “синньэ”, позднее стали делать узоры бисером. У берегов моря находили также морские раковины, из них делали украшения.

При столкновении с враждебным племенем поступали так: та сторона, которая брала верх и

истребляла своих врагов, сваливала трупы убитых в одну большую кучу; затем вырывали яму, клали туда мертвых, заваливали деревьями, а сверху всего этого засыпали землей и закладывали землей» (Барашков, Окладников, 1949. С. 82).

В Сергеляхском и Атласовском погребениях Якутии можно усмотреть именно могилы хосуунов. Похороненные в них люди были в жизни воинами, тогда на территории Якутии происходили ожесточенные битвы из-за охотничьих угодий и пастбищ.

Хосуунами были и представители палеоазиатских народов: юкагиров и чукчей, вошедшие в состав саха. Хосууны имели традицию мериться силами друг с другом. Они проходили специальное воинское обучение и снаряжение. Также занимались военными упражнениями и национальными играми: «Сапкы-хосууна» мать была «Лэбэгэйэмэ-эхсин». По происхождению он родом из местности вверх по Индигирке, юкагир. Услышав, что явились на Яну и Лену новые люди, имеющие сильного «хосууна», поехал туда, чтобы узнать его силу и доказать свою. Так он встретился с людьми Хоро и воевал с ними до тех пор, пока не победил их.

Железа у них не было. «Саапка-хосун» – мастер был и делал своим топором из камня стрелы и копья с наконечниками из камня. Делали они также «ох-чачыр» – ‘лук’. Березу каменным ножом строгают тонкими-тонкими пластинками, как стружки, затем приклеивали их на сухожилия и так слоеное древко лука делали. Когда стреляли на полную руку, тетиву тянули до ушей, тогда отпус-

кали. Стреляли метко: на самой высокой лесине сидит пташка – стрела насквозь ее пробивала, на вылет. Во время битв носили на руке пластину из кости «дьялыс», предохранявшую от удара тетивой. Тело защищали латами в виде пластин. Такие пластины были рядами расположены спереди и с боков. Пластины эти были каменные, с дырами для прикрепления к кожаной одежде воина. На шее была особенно толстая пластина из крепчайшей мамонтовой кости, так как когда стрелы кончались, брались за «батыа» и рубили друг друга, стремились голову срубить. Лицо также защищали, так как для глаз только узкие прорезы были. Бега были у них. «Инди» – ‘состязание’ было: во время праздников копьё ставили, когда хотят доказать свою ловкость. Расставив, прыгают на одной ноге через копьё. Потом смотрят, у кого подошва порезана; а у кого цела – тот молодец, победитель!» (Барашков, Окладников, 1949. С. 102).

Сходство «хосунного эпоса» в фольклоре саха и эвенков, позволяет сделать вывод о наличии тюрко-монгольского субстрата в этногенезе эвенков и участии эвенкийского компонента в происхождении саха. «Хосунный эпос» существует и среди илимпейских эвенков, которые не испытали якутского влияния. Но и в Центральной Якутии можно найти следы «хосунного эпоса». Генезис «хосунного эпоса» следует связывать с монгольским субстратом, который принимал участие в происхождении эвенков и саха.

Библиографический список

Барашков И.И., Окладников А.П. Исторические рассказы и предания Нижней Лены // Сборник Музея археологии и этнографии. М., 1949. Т. II. С. 73–109.

Бравина Р.И., Петров Д.М. Оленекская хосунная эпопея и легенды о туматах: этногеналогия вилуйских и северных якутов // Северо-Восточный Гуманитарный Вестник. 2018. № 1. С. 26–35.

Варламов А.Н. Исторические образы в эвенкийском фольклоре. Новосибирск: Наука, 2009. 96 с.

Варламова Г.И., Габышева Т.П. Эвенкийские предания бассейна реки Оленек // Эвенкийский этнос в начале третьего тысячелетия: сборник научных трудов. Благовещенский государственный педагогический уни-

References

Barashkov I.I., Okladnikov A.P. (1949) Historical stories and legends of Lower Lena. *Sbornik Muzeya arkheologii i etnografii* = Collection of the Museum of Archeology and Ethnography]. Moscow. Vol. II. P. 73–109. (In Russ.)

Bravina R.I., Petrov D.M. (2018) Olenek Khosunny epic and legends about Tumats: ethnogeny of Vilyui and northern Yakuts. *Severo-Vostochnyi Gumanitarnyi Vestnik* = North-Eastern Humanitarian Bulletin. No. 1. P. 26–35. (In Russ.)

Varlamov A.N. (2009) Historical images in Evenk folklore. Novosibirsk: Nauka, 2009. 96 p. (In Russ.)

Varlamova G.I., Gabysheva T.P. (2008) Evenki legends of the Olenek river basin. *Evenkiiskii etnos v nachale tret'ego tysyacheletiya: sbornik nauchnykh trudov* = Evenki ethnos at the beginning of the third millennium: a collec-

верситет, 2008. Вып. 2. С. 163–168.

Васильев В.Н. Тунгусские предания // Материалы по эвенкийскому фольклору / сост. Василевич Г.М. Л.: Наука, 1936. 246–255 с.

Васильев Ф.Ф. Военное дело якутов. Якутск: Бичик, 1995. 220 с.

Гурвич И.С. Культура северных якутов-оленьеводов. М.: Наука, 1977. 248 с.

Ефремов П.Е. Хосунный эпос северных якутов-оленьеводов и его место в якутском фольклоре (опыт классификации) // Поэтика эпического повествования: сборник научных трудов. Якутск: Якутский научный Центр СО РАН, 1993. С. 102–117.

Исторические предания и рассказы якутов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. Ч. I. 322 с.

Исторический фольклор эвенков. Сказания и предания / запись текстов, перевод и комментарии Г.М. Василевич. М.-Л.: Наука, 1966. 399 с.

Ксенофонтов Г.В. Ураанхай-сахалар. Очерки по древней истории якутов. Якутск, 1992. Т. I. Кн. 2. 320 с.

Ксенофонтов Г.В. Элэйада: Материалы по мифологии и легендарной истории якутов. Новосибирск: Наука, 1977. 245 с.

Легенды и сказки нганасанов / текст и предисл. Б.О. Долгих. Красноярск: Краевое изд-во, 1938. 136 с.

Мамонтова Н.А. Хосунные предания илимпийских эвенков. Живая старина. 2015. № 1. С. 27–30.

Мифологические сказки и исторические предания нганаса / запись и подготовка текстов, введение и комментарии Б.О. Долгих. М.: Наука, 1976. 341 с.

Никифоров В.М. Стадии эпических коллизий в олонхо: Формы фольклорной и книжной трансформации. Новосибирск: Наука, 2002. 208 с.

Окладников А.П. История Якутской АССР. М.; Л.: Наука, 1955. Т. I. Якутия до присоединения к Русскому государству. 295 с.

Попов А.А. Материалы по родовому строю долган // Советская этнография. 1954. № 6. С. 113–121.

Румянцев Г.Н. Происхождение хори-бурят. Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1962. 268 с.

Цыбикдоржиев Д.В. Происхождение древнемонгольских воинских культов (по фольклорно-этнографическим материалам бурят). Улан-Удэ: Бурятский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук, 2003. 292 с.

tion of scientific papers. Blagoveshchensk: Blagoveshchenskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet. Iss. 2. P. 163–168. (In Russ.)

Vasil'ev V.N. (1936) Tunguska legends. *Materialy po evenkiiskomu fol'kloru* = Materials on Evenki folklore. Leningrad: Nauka. P. 246–255. (In Russ.)

Vasil'ev F.F. (1995) Warfare of the Yakuts. Yakutsk: Bichik. 220 p. (In Russ.)

Gurvich I.S. (1977) Culture of northern Yakuts-reindeer herders. Moscow: Nauka. 248 p. (In Russ.)

Efremov P.E. (1993) Hosunic epic of the northern Yakuts-reindeer herders and its place in the Yakut folklore (classification experience). *Poetika epicheskogo povestvovaniya: sbornik nauchnykh trudov* = Poetics of the epic narrative: collection of scientific books]. Yakutsk: Yakutskii nauchnyi Tsentri SO RAN. P. 102–117. (In Russ.)

(1960) Historical traditions and stories of the Yakuts. Moscow – Leningrad: Academy of Sciences of the USSR. Pt. I. 322 p. (In Russ.)

Vasilevich G.M. (1966) Historical Evenk folklore. Tales and Traditions. Moscow – Leningrad: Nauka. 399 p. (In Russ.)

Ksenofontov G.V. (1992) Uraanhai-Sahalar. Essays on the ancient history of the Yakuts. Yakutsk. Vol. I. Book 2. 320 p. (In Russ.)

Ksenofontov G.V. (1977) Elliada: Materials on the mythology and legendary history of the Yakuts. Novosibirsk: Nauka. 245 p. (In Russ.)

Dolgikh B.O. (1938) Legends and tales of Nganasans. Krasnoyarsk: Kraevoe izdatel'stvo. 136 p. (In Russ.)

Mamontova N.A. (2015) Hosunny traditions Ilympic Evenki. *Zhivaya starina* = Living old]. No. 1. P. 27–30. (In Russ.)

Dolgikh B.O. (1976) Mythological tales and historical traditions of Nganasan. Moscow: Nauka. 341 p. (In Russ.)

Nikiforov V.M. (2002) Stages of epic collisions in Olonkho: Forms of folklore and book transformation. Novosibirsk: Nauka. 208 p. (In Russ.)

Okladnikov A.P. (1955) History of the Yakut ASSR. Moscow – Leningrad: Nauka. Vol. I. Yakutiya do prisoedeneniya k Russkomu gosudarstvu = Yakutia before joining the Russian state. 295 p. (In Russ.)

Popov A.A. (1954) Materials on the tribal system of the Dolgans. *Sovetskaya etnografiya* = Soviet Ethnography. No. 6. P. 113–121. (In Russ.)

Rumyantsev G.N. (1962) The Origin of the Khori Buryats. Ulan-Ude: Buryatskoe knizhnoe izdatel'stvo. 268 p. (In Russ.)

Tsybikdorzhiev D.V. (2003) The origin of the ancient Mongol military cults (based on Buryat folklore-ethnographic materials). Ulan-Ude: Buryatskii nauchnyi tsentr Sibirskogo otdeleniya Rossiiskoi akademii nauk. 292 p. (In Russ.)

Критерии авторства

В.В. Ушницкий выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение, подготовил рукопись к печати, имеет на статью авторские права и несет полную ответственность за её оригинальность.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Сведения об авторе

Ушницкий Василий Васильевич,
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора археологии и этнографии, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук,
670007, г. Якутск, ул. Петровского, 1, Россия,
✉ e-mail: voma@mail.ru

Attribution criteria

V.V. Ushnitskiy made the research work, on the basis of the results conducted a compilation, prepared the manuscript for publication, he owns the copyright on this article and solely responsible for its originality.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

The author has read and approved the final manuscript.

Information about the author

Vasiliy V. Ushnitsky,
Cand. Sci. (History), Senior Researcher of the Ethnography Sector,
Institute for Humanitarian Studies and Problems of Small Peoples of the North of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
1, Petrovsky street, Yakutsk 670007, Russia,
✉ e-mail: voma@mail.ru